

Цветкова В. Ф.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА И ЕГО ПЕРЕОЦЕНКА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ И НА РУБЕЖЕ XX - XXI ВВ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/70.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 198-204. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- Антоний, митрополит Сурожский. Тайнство Любви: Беседа о христианском браке. – Мн., 1997.
- Балашов Н. В., прот. И сотворил Бог мужчину и женщину: Комментарии к основам Социальной концепции Русской православной церкви. – М., 2001.
- Круассан Ж. Призвание женщины или священство сердца / Пер. с фр. Г. Могилевской. – М.: "Полиграфкнига", "Триумф Сердца", 1996.
- Морозова Е. Православная женщина в современном мире // Женщина. Образование. Демократия: Материалы 4-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции (7-8 декабря 2001 г.) – Минск: ООО "Энвила-М", 2002. – С. 326-327.
- Ничипоров Б. В. Введение в христианскую психологию: размышления священника-психолога. – М.: «Школа-Пресс», 1994. – С. 165-169.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА И ЕГО ПЕРЕОЦЕНКА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ И НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

Цветкова В. Ф.

Филиал Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в г. Волхов

Чеченцы (самоназвание *нохчо*, *нохчий* – «народ плуга») являются частью вайнахской этнической общности, в которую входят также ингуши. Согласно историческим, археологическим и лингвистическим данным, вайнахи – древние обитатели Центрального Кавказа, тесно соприкасавшиеся с другими кавказскими племенами, со скифским миром, позже – с сарматами, аланами, хазарами. состоявшие в генетическом родстве с другими племенами Кавказа, Причерноморья, Передней и Малой Азии. Известия о вайнахах содержатся уже в античных и раннесредневековых источниках – «Географии» Страбона (I век н.э.), в «Армянской Географии» Моисея Леонти Хоренского (VII в.), в своде летописей грузинского епископа Мровели «Картли Цховреба» («Житие Грузии») XI в. Территория Чечни частично входила в состав Аланского государства VIII – XII вв., а после походов монголо-татарских завоевателей XIII в. – в состав Золотой Орды. В русских источниках чеченцы впервые упоминаются в конце XVI в. под наименованием *ококи* (аккинцы), *шибуты* и *мичкизы*. Этноним «чеченцы» в русском языке – позднего происхождения (1708 г.) и образован от названия крупного селения на р. Аргун – Чечен-аул. Этот же этноним стал употребляться с XVIII в. в грузинских и западноевропейских источниках.

До XV – XVI вв. чеченцы жили в основном в горах отдельными территориальными группами, но уже в конце XIV в. первые чеченские поселенцы появились и на равнине. К началу XIX в. территория расселения чеченцев включала: правый берег Терека, земли между Сунжей и Терекком, часть долины Сунжи, равнину между бассейном р. Гумс (Гудермес) и р. Фортанга, горные области верховьев Гехи, Мартана, Аргуна, Хулхулау и Акса. Много чеченских поселений было на востоке, на Кумыкской равнине.¹

Чеченский язык относится к нахской подгруппе нахско-дагестанской группы северокавказской языковой семьи и имеет несколько диалектов. В 1923 г. на основе латинской графики была создана письменность, в 1938 г. она была переведена на русскую графическую основу. В основу литературного языка положен плоскостной диалект чеченского языка. Верующие чеченцы исповедуют ислам суннитского толка.²

Кавказ – это регион многочисленных этнических и конфессиональных групп, где родственные объединения являются частью каждой этнической группы, а существование самих этих групп основано на общих представлениях о единстве своей истории, культуры, традиций, семейно-брачных отношений и т.д. Родственные объединения создают все условия для сохранения внутренней целостности и стабильности общества.

Исконное занятие чеченцев в прошлом – земледелие на равнинах и скотоводство в горах. Среди населения горного Кавказа Чечня привлекает внимание особой прочностью традиционных социальных институтов. У чеченцев имеются родственные объединения различных степеней, которые именуется терминами *тейп/тейпа*, *гар*, *некъи* и др. Тейп – это самая крупная единица из родственных групп, объединения тейпов составляют *тукхумы*. Именно тейпами называют обычно традиционные ячейки чеченского общества в научной и популярной литературе сегодня. Тейповое устройство – архаический социальный институт, но он сохранил свои позиции и в современном чеченском обществе, что стало предметом научного исследования на рубеже веков и нашло отражение в периодической печати.³

Укоренившееся представление о чеченцах как бесстрашных, но жестоких воинах, в связи с российско-чеченским конфликтом, нашло отражение во внимании к чеченским традициям и обычаям. Среди них чаще

¹ См.: Чеченцы // Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. – М., 2000. – С. 376-380.

² Чеченцы // Евстигнеев Ю. А. Российская Федерация. Народы и их подразделения: Краткий этнологический справочник. – СПб., 2003. – С. 125.

³ См.: Джавахадзе Н. В., Чиковани Г. Д. Чеченская тейпа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. – Москва-Тбилиси, 2003. – С. 55-62; Чеснов Я. В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. – М., 1999. – С. 63-101; Дмитриев В. А. Алаты и шариат у кавказских горцев // Россия и Кавказ. История. Религия. Культура. – СПб., 2003. – С. 107-127; Дмитриев В. А. Горцы // Родина. – 1994. – № 3-4; и др.

всего выделяют кровную месть, набеги, а также особое отношение к гостю: хозяин берет на себя ответственность за жизнь и благополучие тех, кого он принимает у себя дома. «...На всей территории Чечни и Ингушетии основу организации населения представляла крестьянская семейная община, в ряде районов она сосуществовала с феодальными формами объединения. Все население, за исключением большей части осетин, считалось мусульманским, хотя ислам реально имел прочные позиции только в Дагестане, а горцы были скорее язычниками, унаследовавшими элементы древнего христианства. Нет смысла идеализировать горское общество. Наряду с высокими формами уважения личности в отношении между людьми входили жестокое принуждение и работорговля. Почти поголовно все мужское население было участником набегов, жестоких воинских забав, что диктовалось правилами поведения различных мужских союзов и особенно нормами дворянского этикета».¹

Кража скота, грабеж на дорогах и убийства считались, согласно этому социальному кодексу поведения, делами чести; они открыто провоцировались девушками, чье презрение вызывал всякий, не совершивший подобных поступков. Все это, а также борьба против любого врага, были единственным занятием, считавшимся достойными взрослого мужчины. Набеги были в основном уделом юношей, поскольку были заданием, выполнив которое, они становились полностью взрослыми. У более взрослых мужчин были другие обязанности, прежде всего – заботиться о своей непосредственной семье и играть подобающую роль в более широкой семье – тейпе.²

Внимание ученых привлекали и другие этносоциальные особенности чеченцев.³ В чеченском обществе, за исключением деления на свободных и пленников, не было места жесткому сословному делению и формальным статусам. Были старики, не обладавшие никакими особыми правами, кроме силы убеждения и знания обычаев. Были выбираемые на время войн военачальники, которых уважали за личные качества, но не из-за происхождения. Не было ни сильного наследственного жречества, ни, после принятия ислама, профессиональных мусульманских улемов. Были мужчины, снискавшие себе уважение знанием религии, подобающим образом жизни и общей мудростью. В Чечне не было государства, что не означало, однако, примитивности социальных структур.⁴

Период перестройки вызвал волну «этнического ренессанса», актуализации национальной идентичности и этнокультурных особенностей народов СССР и России. Усилилось и внимание периодической печати к историко-культурным и современным этническим, в том числе этнополитическим проблемам.

В VIII веке нашей эры равнинные территории Чечни вошли в состав Аланского союза. В XIII веке аланов из степи вытеснили татаро-монгольские завоеватели. Жители равнинной Чечни активно мигрировали в горы, где монгольская конница была бессильна. Примерно к этому времени – XIII век – в записях арабского географа Рашида ад-Дина впервые появился этноним «сасан», характерный для людей, населявших Джейрахское, Аргунское, Веденское ущелья Северного Кавказа. Этот этноним (через топоним Чечен-аул) перешел в дальнейшем и в русский язык, впоследствии преобразовавшись в «чеченов», «чеченцев».

В раннем средневековье (IX-XIV вв.) вайнахские племена входили в состав полиэтнических государств раннеклассового типа: Аланское царство, Хазарский каганат, Дзурдзукетия. Названные государства были разрушены полчищами Чингисхана (1222 год) и Батыя (1238-1240 гг.). В XIV веке сасаны создали в горах нынешних Чечни и Ингушетии княжество Сим Сир. Княжество имело признаки архаической государственности, но местное население продолжало жить главным образом по родоплеменным законам. В грузинских Хрониках Георгия Блистательного (1314-1346 гг.) население этого региона названо «народ нохчи». В конце XIV в. сокрушительный удар по Северному Кавказу, в том числе по территории нынешней Чечни, нанес среднеазиатский правитель и полководец Тимур Тамерлан. Княжество Сим Сир в результате нашествия войск Тимура оказалось разрушено и уничтожено как государственное образование, обезлюдела и равнина. Чечня и весь окружающий ее мир были разорены дотла. К концу XV века равнинные земли у Терека снова были освоены. Регион становится объектом геополитических интересов Османской Турции, Ирана и Московской Руси.⁵

Большой интерес вызывает история первых контактов чеченцев с русскими. Они начались в XVI в. В 1561 году, после завоевания Иваном IV Казанского и Астраханского ханств, произошло первое политическое соприкосновение России с народами Северного Кавказа. Часть кабардинских князей искали покровительства московского царя и готова была встать под царский протекторат. Этот политический альянс, который в российской и советской историографии принято было считать добровольным вхождением Кабарды в состав России, был усилен браком Ивана IV с кабардинской княжной Марией Темрюковной. В результате тако-

¹ Дмитриев В. Горцы // Родина. - 1994. - № 3-4. - С. 154.

² Ливен А. Война в Чечне: упадок российского могущества // Чечня и Россия: общества и государства. - М., 1999. - С. 284.

³ Тишков В. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. - 1993. - № 4; Дмитриев В. Горцы // Родина. - 1994. - № 3-4; Дерлучьян Г. Чеченская революция» и чеченская история // Чечня и Россия: общества и государства. - М., 1999; Попов А. Мифы думают людьми, или Семь вопросов о чеченской войне // Дружба народов. - 2000. - № 8; Байрамуков Р. Д. Опыт, традиции и этикет горцев // Преподавание истории в школе. - 2001. - № 9; Зубайраев А. А. О родине с любовью // Адамалла. - М., 2002. - Февр. - № 1; Карпов Ю. Ю. Мужские союзы в культуре и общественной жизни горцев Кавказа // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. - СПб., 2003. - С. 64-84; Арутюнов С. А. Специфика ментальности народов Кавказа // Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия. - М., 2003; и др.

⁴ Дерлучьян Г. «Чеченская революция» и чеченская история // Чечня и Россия: общества и государства. - С. 201.

⁵ Сухов И. Чечня теневая и официальная: Специальный информационный обзор. - М., 2001. - С. 8-9.

го союза некоторые представители горской военной знати перешли на российскую военную службу и были приняты при московском дворе, отсюда идет и знатный княжеский род Черкасских.

Но более систематическое продвижение России на Кавказ началось только в XVIII в., когда Петр I, сразу же после окончания Северной войны, военным походом 1722 года начал завоевание Кавказа.¹

Таким образом, с середины XVI в. начались интенсивные сношения русского правительства с Северным Кавказом. Последующие триста лет российско-чеченские отношения развивались в основном конфронтационно. Позиция современных чеченских авторов состоит в том, что это была непрерывная борьба чеченцев за свою независимость.²

Однако однозначного ответа на вопрос о причинах военных конфликтов, не раз сотрясавших этот регион, нет, хотя он поднимается исторической наукой уже не одно столетие. Именно российско-чеченский конфликт конца XX в. вызвал новую волну не только научного, но и общественного интереса к истории Кавказа в целом и Чечни, в частности. Распространенным стал ретроспективный взгляд на истоки и причины современного противостояния в Чечне. Детальному анализу стала подвергаться история Кавказа, начиная с первой половины XVI века. По мнению известного кавказоведа профессора В. В. Дегоева, именно в это время появляется так называемый «силовой треугольник», включающий в себя три крупнейших государства: Московское (ставшие вскоре Россией), Иран и Турцию (с его сателлитом Крымским ханством). Как раз внутри этого треугольника «на протяжении нескольких веков решались судьбы кавказских народов».³

По мнению историков, с образованием в XVI в. Московского централизованного государства русский царизм развернул военно-колониальную экспансию, в том числе – в кавказском направлении. Однако ее побудительные мотивы, связанные с геостратегическими, политическими, экономическими и, в меньшей степени, идеологическими соображениями, трактуются по-разному.

В российской дореволюционной и советской историографии продвижение России на Кавказ трактовалось как бесспорно позитивное явление и рассматривалось с точки зрения военно-политической необходимости и цивилизаторской миссии России, несшей «умиротворение» всему региону. Необходимость стабильной связи с присоединенным ранее Северного Кавказа Закавказьем, противостояние Ирану и Турции, участие России в решении Восточного вопроса, в частности, дележа наследства ослабленной Османской империи, вхождение России в круг великих европейских, а значит, мировых держав, – все эти объективные причины и обстоятельства практически заслоняли другую сторону вопроса: как и какими методами Россия утвердилась на Кавказе, а главное, какая историческая память об этих событиях сложилась у народов Кавказа? Между тем понятие исторической памяти относится к числу чрезвычайно значимых в кавказском менталитете, на что обращают внимание современные ученые.

По характеристике В.А. Дмитриева, при большой естественной мозаичности пространства Кавказа его населению присуща глубокая историческая память. Ее длительность объясняется феноменом долгожительства, наличием разветвленных родственных связей и уважением к старшим при сохранении совместного или соседского проживания старших и младших. Воспитание на Кавказе обязательно предусматривало включение человека в родственные связи до 7-го или даже 12-го колена и знание важных моментов из жизни предков. Таким образом, в современных представлениях сохраняются архаические архетипы и знания о событиях и людях многовековой давности. А в кризисные периоды национальной истории народная память выступала действенным инструментом сохранения культуры и идентичности народов Кавказа.⁴

Важнейшим обстоятельством кавказской истории и культуры является также отношение к земле. Население Северного Кавказа и Дагестана жило на своей земле, ценность которой в традиционной культуре горцев всегда была выше ценности человеческой жизни.⁵

Серьезное внимание историческим предпосылкам российско-чеченского конфликта рубежа XX-XXI вв. уделяет главный редактор петербургского литературно-художественного журнала «Звезда» Я.А. Гордин.⁶ Автор ставит своей задачей объяснить драматичность положения обеих сторон в военном противостоянии, начиная с конца XVI в., но основное внимание, естественно, сосредоточено на истории «самой длинной и самой малоизвестной среди войн России» – Кавказской войны XIX в. С Персидского похода Петра I (1722 г.) начинается отсчет последовательной, хотя и вполне утопичной, завоевательной программы и алгоритма взаимоотношений: нападение – отмщение, нападение – отмщение. Росла взаимная неприязнь, создавалась взаимная репутация, сохранившаяся до наших дней. А так как сознание кавказских народов чрезвычайно консервативно, и десятки поколений владеют «цельным знанием», то петровские походы никуда из памяти не ушли. Значение петровских походов было стратегическим, но не колонизационным, ибо целью Петра был не сам Кавказ, а лежащий за ним Восток. А в эпоху Екатерины II, в последней четверти XVIII в., продвижение России на юг, в Предкавказье, приобрело высокую интенсивность – казаками заселялись пло-

¹ Данлоп Д. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. - М., 2001. - С. 15.

² Гунашев А. Ичкерия: мечь истории. - Изд-во «Нурлы Алем», 2001. - С. 9.

³ См.: Захаров В. А., Настенко И. А. Кавказский узел: Сб. Русского исторического общества. - М., 2004. - Т. 2. - С. 8.

⁴ Дмитриев В. А. Кавказ как историко-культурный феномен. - С. 88.

⁵ Дмитриев В. Горцы // Родина. - 1994. - № 3-4. - С. 154.

⁶ См.: Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. - СПб., 2000; Гордин Я. А. Россия и Чечня. Поиски выхода - СПб, 2003. - С.63. ; Гордин Я. А. Кавказская война. Два самых трудных вопроса: кто ее начал и как ее прекратить?: Интервью с Я. А. Гординым // Первое сентября: Газета для учителей и родителей - СПб., 2004. - 5 окт. - № 65. - С. 3.

роднейшие земли, то есть шла прямая колонизация территории. В этот период в Предкавказье стали появляться и крупные владения русской аристократии.¹

Называя Персидский поход Петра I «прологом Кавказской войны», Я. Гордин подчеркивает: Кавказ, особенно его горная часть, непригодная для колонизации, на всех этапах взаимоотношений с Россией «не был ей нужен сам по себе. Кавказ был приводящим обстоятельством, тяжелой помехой в движении, направленном мимо него. Кавказ представлял плацдарм, с которого в любую минуту мог быть нанесен удар во фланг или тыл русской армии – сражалась она с турками или персами».²

Идею военно-стратегического обоснования завоевания Кавказа разделяют практически все современные историки. В.В. Калашников в «Санкт-Петербургских ведомостях» пишет о том, что Кавказская война была одним из важнейших эпизодов многовекового противостояния России и Османской империи (Турции). В основе этого противостояния в начале лежало стремление России обезопасить свои южные границы от набегов со стороны крымского хана, вассала турецкого султана. Затем все более важную роль стало играть стремление утвердиться на Черном море. Важным фактором было и желание защитить кавказских христиан (прежде всего грузин и армян) и славянские народы Балкан, страдавших от притеснений со стороны мусульманской Турции и мечтавших жить под защитой могущественной христианской державы.³

С конца XVIII в. горские народы Кавказа на все продвижения русских отвечали постоянными нападениями на крепости и на казачьи станицы. Российское присутствие на Кавказе ставило под угрозу не только безопасность и возможность свободного передвижения горцев, но и также их экономическое существование, связанное с зимним отгонным пастушеским скотоводством в долинах и торговым обменом с предгорными районами. Военно-колонизаторская и классово-эксплуататорская политика России вызвала протест горских общественных «низов» против пришлых и «собственных» угнетателей. С 80-х годов XVIII века на территории Чечни и Дагестана подобные настроения находят выход в антиколониальных и антифеодальных восстаниях под религиозным флагом. Под руководством шейха Мансура чеченцы и некоторые дагестанские народы вели в 1785-1786 гг. партизанскую войну против русских. С началом очередной русско-турецкой войны шейх Мансур распространил в 1787 г. свою деятельность на западные районы Кавказа, где он сотрудничал с османами.

В Российской империи Чечня оказалась в середине XIX века в результате Кавказской войны (1817-1864 гг.). Эти традиционные хронологические рамки также подвергаются пересмотру в современной историографии, так как основаны на идеологизированной теории «добровольного присоединения» народов Кавказа к России, которая не выдерживает научной критики. В любом случае, ожесточенная 50-летняя борьба горцев Адыгеи, Чечни и Дагестана никак не вписывается в эту теорию. Принято считать началом военных действий основание крепости Грозная в 1817 г. и первые шаги в планомерном «покорении горцев». Однако некоторые специалисты высказывают мнение о более раннем начале войны – от назначения главнокомандующим генерала князя П.Д. Цицианова в 1802 г. Остается еще вопрос о квалификации многочисленных столкновений разного масштаба в XVIII – начале XIX вв. В Дагестане, на Кубани, на лезгинской линии, в Осетии и Кабарде. Так же противоречива конечная дата войны, поскольку завоевание всего Кавказа не завершилось в 1864 г., а во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. снова поднялись на борьбу чеченцы и дагестанцы. В.В. Лапин приходит к выводу, что полемика о хронологических рамках и типологии становится продуктивной лишь при отказе считать Кавказскую войну чем-то целостным – она включала в себя одновременно несколько типов вооруженных конфликтов, тесно взаимосвязанных, но разных (сопротивление вольных обществ, военная активность местной элиты и деятельность имама Шамиля в Дагестане), поэтому дать ей однозначное определение невозможно.⁴

Определяющим периодом Кавказской войны традиционно считается ермоловский, когда командующим русскими войсками на Кавказе был генерал А.П. Ермолов (1816-1827 гг.), резко ужесточивший политику России на Северо-Восточном Кавказе. Тактика выжженной земли, введенная А.П. Ермоловым, неумолимая жестокость и «стравливание» горских владетелей, а также вольных обществ, и стремление не просто победить, но унижить, морально уничтожить горцев, нежелание и невозможность российских военачальников понять образ мышления, их обычаи и жизненный уклад приводили к эскалации конфликта. Ответом явилась беспрецедентное по силе и длительности движение против царских завоевателей и их местных союзников.

Социальной базой широкомасштабного сопротивления проникновению русских на Кавказ принято считать чеченских и дагестанских общинников, главной целью которых было освобождение от царских колонизаторов и горской феодально-эксплуататорской верхушки, их идеологическим катализатором – идеи мюридизма (разновидность ислама) и лозунги газавата (священная война против неверных). В этом столкновении горцами руководили выдающиеся предводители, самым ярким из которых был имам Шамиль, глубокий знаток Корана, стратег и организатор, беззаветно преданный идеалам национальной независимости и социальной справедливости. Даже генералу Ермолову не удалось осуществить свою вожделенную мечту – «превратить чеченцев в холопов».⁵

¹ Гордин Я. А. Кавказская война // Первое сентября. - 2004. - 5 окт. - № 65. - С. 3.

² Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. - С. 43.

³ Калашников В. Чечня в составе России: история войны и мира // Санкт-Петербургские ведомости. - 2004. - 5 сентября. - С. 4.

⁴ Лапин В. В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. История. Религия. Культура. - СПб., 2003. - С. 5-7.

⁵ Усманов Л. Непокоренная Чечня. - М., 1997. - С. 70.

В эпоху глобализации происходит обострение этнокультурных противоречий Запада и Востока, европейской и европеизированной постиндустриальной культуры и культуры исламского мира. Понятие «цивилизационная война», т.е. столкновение на основе предельно обострившегося антагонизма различных культур, используется не только в сегодняшних реалиях, но и в ретроспективе. Такой цивилизационной войной теперь принято считать и Кавказскую войну. Мотивация действий одной стороны обычно неизвестна или непонятна, но главное – неприемлема для другой; оба участника конфликта неадекватно оценивают поведение противника, в основе чего лежит жесткое следование собственным представлениям о «правилах игры». По определению В. Лапина, Кавказская война стала войной взаимного непонимания.¹

Автор патриотического журнала «Наш современник» находит у генерала Ермолова характеристику чеченцев, оправдывающую жестокость по отношению к ним: «Ниже по течению Терека живут чеченцы, самые злейшие из разбойников, нападающие на линию. Общество их весьма малоллюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимались дружелюбно злодеи всех прочих народов, оставляющие землю свою по каким-либо преступлениям. Здесь находили они сообщников, тотчас готовых или отмщевать за них, или участвовать в разбоях, а они служили им верными проводниками в землях, им самим не знакомых. Чечню можно назвать гнездом всех разбойников».² Заочно полемизирует с Ермоловым генерал Ольшевский, служивший на Кавказе в 1840-1860-х гг., чье высказывание приоткрывает приемы психологической войны против горцев в XIX в.: «Чеченцев как своих врагов мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковерным, коварным и вероломным, потому что они не хотели исполнять наших требований, несообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны».³

Одновременно с этими манифестациями негативного отношения к кавказским горцам в XIX в., в периодической печати появляются и стереотипные обоснования цивилизаторской миссии России на Кавказе. В частности, приводятся высказывания известных деятелей русской культуры и цитаты из их произведений (А. С. Грибоедова, П. И. Пестеля, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого). Но наиболее комплиментарным для российской политики является мнение Ф.М. Достоевского. Обосновывая историческую миссию русских, он подчеркивал: «Мы впервые объявили миру, что не через подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними».⁴

Но преобладало все же более реалистическое мнение о цене сопротивления горцев и победы России. Так, Л. Усманов в книге «Непокоренная Чечня» пишет: «Во время Первой Русско-Кавказской войны Россия теряла, только по официальным российским сведениям, до 25 тысяч солдат и офицеров из отборных частей российской армии ежегодно! А мирное население Чечни сокращалось буквально в геометрической прогрессии. Война очень дорого обошлась самой России, но для Кавказа это была катастрофа. Жесточайшая из военных кампаний России перекроила карту Кавказа, стерла с лица земли леса и населенные пункты, уничтожила целые этносы. Сотни тысяч людей были изгнаны в Османскую империю, где частью вымерли, остальные рассеялись по свету».⁵

Цифры, конечно, могли быть и другими, но жертвы с российской стороны были огромными. «Покорение Кавказа потребовало немало людских и материальных жертв. Подсчитать эти жертвы оказалось непросто. Есть основание полагать, что за все время Кавказских войн безвозвратные потери войск и мирного населения России составили около 77 тысяч человек за период с 1801-1885 годы», – утверждает российский автор Е. П. Толмачев. На Кавказскую войну уходило 17% общегосударственного бюджета.⁶

Завершение Кавказской войны позволило России прочно утвердиться на Северном Кавказе. Кавказская война имела огромные геополитические последствия. Установились надежные коммуникации между Россией и её закавказской периферией.⁷

Все эти обстоятельства Кавказской войны XIX в. попали в фокус исследований на рубеже XX-XXI вв. не по причине чисто академического интереса, а в связи с обострением российско-чеченских отношений и открытого военного конфликта. Таким образом, ретроспективный взгляд на историю Кавказской войны был вызван актуальными проблемами, что нашло свое подтверждение в обостренном интересе к этим вопросам в средствах массовой информации.⁸

¹ Лапин В. В. Указ. Соч. - С. 8.

² Цит. по: Артемьев И. Русский ответ на вызов истории // Наш современник. - 1995. - № 3. - С. 168.

³ Цит. по: Гордин Я. Кавказская война. - С. 3.

⁴ Шатохина Л. В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в 20-е годы 19 века: Сб. Русского исторического общества. - М., 2004. - Т. 2. - С. 58.

⁵ Усманов Л. Непокоренная Чечня. - М., 1997. - С. 70.

⁶ Толмачев Е. П. Присоединение Кавказа к России: Сборник Русского исторического общества. - М., 2004. - Т. 2. - С. 215-216.

⁷ Дегоев В. Чеченская война прежде и теперь // Дружба народов. - М., 2000. - № 1. - С. 164-165.

⁸ См.: Тишков В. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. - 1993. - № 4; Абдуллаев М. Чеченцы // Родина. - 1994. - № 1; Дудаев Д. Брат силой чеченцев – занятие бессмысленное // АиФ. - 1994. - Дек. № 49; Артемьев И. Русский ответ на вызов истории // Наш современник. - 1995. - № 3; Сосламбеков Ю. Пятый геноцид // Новое время. - 1996. - № 4; Сосламбеков Ю. Чеченская нация и ее государственность: прошлое, настоящее и возможные идеи выхода из нынешнего кризиса // Новое время. - 1994. - Дек. № 49; Чеченский узел. Истоки и перспективы // АиФ. - 1996. - Янв. № 4; Вишневский Б. Вторая Кавказская война // Вести. - 1996. - № 97; Кондрашев А. В горах воевать трудно // АиФ. - 1996. - № 15; Русаков Е. Галифакс: век уходящий и век грядущий // Новое время. - 1996. - № 52; Гагагова Л. С. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история. - 1998. - № 5; Георгиев В. А., Георгиева Н. Г.

В перестроечный и постперестроечный период, в связи с развалом Советского Союза и этноконфликтами, в том числе и на Кавказе, научное и общественное внимание привлек еще один исторический феномен, бывший одним из непосредственных последствий российского покорения Кавказа в XIX в. – изгнание, принудительное выселение или добровольное переселение со своей этнической родины сотен тысяч жителей Северного Кавказа, так называемое *мухаджирство*. Ученые северокавказских и закавказских республик опубликовали большое количество работ на эту тему, вызывающую понятные ассоциации с событиями конца XX – начала XXI вв.¹ Такого рода публикации оказались востребованы и в периодической печати, причем не только научной, но и в средствах массовой информации.²

Другим аспектом истории Кавказа и национальной политики Центра в этом регионе, вызывавшем неослабное внимание общества в период перестройки и российско-чеченского конфликта, явились события советского времени – национально-государственное устройство и национальные репрессии.

В момент распада Российской империи в 1917 году и на Северном Кавказе также возобладали сепаратистские тенденции. Представители разных народов и этнических групп создавали свои национальные Союзы, которые весной 1917 года во Владикавказе создали Союз Объединенных Горцев Северного Кавказа и Дагестана, цель которого была заявлена как создание Кавказского «штата» в составе России.³ Революционные события на Кавказе сопровождалась аграрными волнениями: горцы полагали, что пришла пора пересмотреть решения о русификации и отнять у казаков присвоенные ими в последние десятилетия земли. Осенью 1917 года и последующей зимой в Чечне и Ингушетии имели место кровопролитные столкновения местного коренного населения с казаками.⁴

В современной истории гражданской войны на Кавказе можно найти подтверждение практически любой точке зрения на позицию горцев в противоборстве различных социальных и национальных сил. Известно, что с лета 1917 г. в движении горцев стало усиливаться исламско-консервативное направление, готовившее по примеру Шамиля «газават» – священную войну против неверных. Именно этот исторический факт использует журнал патриотической направленности «Наш современник», чтобы подчеркнуть «традиционную» религиозную нетерпимость со стороны чеченских мусульман. В 1919 году в горных районах Чечни был создан так называемый «Северо-Кавказский эмират» во главе с шейхом Узун-хаджи, человеком консервативных взглядов. Автор «Нашего современника» утверждает, что Узун-хаджи объявил газават – священную войну мусульман против христиан – русских. Его поддержали практически все авторитетные муллы и шейхи Чечни и Ингушетии.⁵ Естественно, что акцентирование именно этого исторического факта в середине 1990-х гг., при игнорировании других фактов и обстоятельств, не оправдывающих позицию журнала о необходимости силового решения в Чечне, было направлено именно на формирование соответствующего общественного мнения. Однако история Узун-хаджи вовсе не так однозначна: выбирая между антирелигиозными красными и националистическими белыми, он объединился с большевиками, обещавшими полную автономию. После победы большевиков в сентябре 1921 г. эмират Узун-хаджи был ликвидирован.⁶

В Чечне шла борьба с влиянием национальных и религиозных лидеров, что было, разумеется, естественно для укрепления официальной власти, но формы этой борьбы позволяют современным исследователям и публицистам характеризовать ее как кампанию по «дискредитации или прямому уничтожению местных лидеров, сопровождавшаяся военными акциями по изъятию оружия у населения». Расстрелян был шейх Али Митаев, сняли с поста руководителя ревкома республики Таштамира Эльдарханова, многие родственники которого были арестованы.⁷

Кавказская война // Преподавание истории в школе. - 1999. - № 6; Дегоев В. Чеченская война прежде и теперь // Дружба народов. - 2000. - № 1; Зубов А. Политическое будущее Кавказа: Опыт ретроспективно-сравнительного анализа // Знамя. - 2000. - № 4; Попов А. Мифы думают людьми, или Семь вопросов о чеченской войне // Дружба народов. - 2000. - № 8; Калашников В. Чечня в составе России: История войны и мира // СПб ведомости. - 2004. - № 181, 204, 228; Меткальф Б. М. Бесконечная история? Война в Чечне // Internationale Politik - М., 2004. - № 2; Шатохина Л. В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в 20-е годы 19 века: Сб. Русского исторического общества. - М., 2004. - Т. 2; и др.

¹ Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х годов XIX века. - Владикавказ, 1992; Думанов Х. М. Вдали от Родины: К 130-летию окончания Кавказской войны (1864-1994). - Нальчик, 1994; Бадерхан Ф. Мухаджирство как следствие Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX.: Матер. Всесоюз. науч. конф. 20-22 июня 1989 г. Махачкала, 1994; Абрамов Я. Кавказские горцы // Эмиграция Северо-кавказских народов в Османскую Империю (II пол. XIX – нач. XX вв.): Сб. ст. / РАН. Даг. науч. центр. - Махачкала, 2000; Ибрагимова З. Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60-70 гг. XIX в.). - М., 2000; Алиев Б. Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.). - Махачкала, 2001; Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). - Пятигорск, 2002; и др.

² Датунашвили И. И. Мухаджирское (переселенческое) движение с Северного Кавказа // Изв. АН Груз. ССР. Сер. ист., этногр. и ист. искусства. - Тбилиси, 1990; Матвеев В. А. Кавказская война: незамеченные итоги // Изв. вузов Сев.-Кавказ. региона. Обществ. науки. - 1995. - № 4. - С. 3-11; Матвеев В. А. Чеченский кризис: О чем говорят свидетельства прошлого // Посев. - 1995. - № 6. - С. 63-70; Хангошвили М. Вайнахские поселения в Сирии // Литературная Ингушетия. - Назрань, 1997. - № 1. - С. 81-83; Бадаев С.-Э. С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. - Р-н-Д., 1999. - № 4. - С. 45-55; Матвеев В. А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. - Р-н-Д., 1999. - № 4. - С. 34-45; - № 5. - С. 82-101; Матвеев В. А. «Смотря по желанию» [О предоставлении возможности оказания помощи в переселении горцам после Кавказской войны XIX в.] // Родина. - 2000. - № ½. - С. 142-147; и др.

³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. - М., 2000. - С. 267.

⁴ Каппелер А. Указ. соч. - С. 267.

⁵ Артемьев И. Русский ответ на вызов истории // Наш современник. - М., 1995. - № 3. - С. 168.

⁶ Краг Х., Хансен Л. Ф. Указ. Соч. - С. 22.

⁷ Сухов И. Чечня теневая и официальная. - С. 12.

В конце 1929 г. при попытке проведения сплошной коллективизации и закрытия мечетей в Чечне начались крестьянские волнения, переросшие в нескольких аулах в вооруженное восстание. Коллективизация проводилась слишком жестко и поспешно, «с перегибами», во всех регионах СССР, а на Кавказе она еще и серьезно задевала психологию и нарушала вековой уклад жизни горцев. Но все же позиции советской власти в Чечне к этому времени были достаточно прочными, и большинство чеченцев не выступили против нее с оружием. Восставшие были рассеяны небольшой войсковой группой (менее 2 тыс. чел.), а активисты укрылись в горах.¹

Но искра восстания, во главе которого стоял Шита Истамулов, тлела. В 1930 году власти вынуждены были начать переговоры с Истамуловым и предложить компромисс, однако осенью 1931 года Истамулова застрелили, пригласив в ГПУ. Его брат Хасан Истамулов возглавил группу и вел боевые действия против советской власти до 1935 года.²

Однако не приходится сомневаться, что антисоветские настроения, имеющие форму антирусских, были достаточно сильны и распространены в Чечне. Зимой 1940 года началось восстание Хасана Исраилова, которое быстро охватило территорию Шатойского района. На народном съезде в Галанчжое повстанцами было провозглашено Временное народно-революционное правительство Чечено-Ингушетии. Главным требованием восставших было достижение полной и реальной независимости. Восстание было локализовано, ситуация стабилизировалась. Но как только началась Великая Отечественная война, повстанческое движение возобновилось, антисоветское подполье оживилось.³

Это нашло свое отражение прежде всего в росте числа дезертиров, уклонившихся от мобилизации в ряды Красной Армии. Согласно архивным документам, при первой мобилизации в августе 1941 года из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировали 719 человек, в январе 1942 года при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50% личного состава. В марте 1942 года из 14576 человек дезертировали и перешли на нелегальное положение 13560 человек. Согласно архивным материалам на март 1942 года наряд по мобилизации в республике был выполнен на 41,2%.⁴ В 1943 г. набирали добровольцев, и из 3000 добровольцев (!) число дезертиров составило 1870 человек. Из дезертиров создавались бандформирования, которые действовали в тылу Красной Армии в 1942-1943 годах.⁵ Разумеется, в условиях смертельно опасной для страны войны такое положение было нетерпимым.

Сложившуюся благоприятную для себя ситуацию учитывал и противник. При планировании летнего наступления 1942 года вермахт очень надеялся на реализацию плана «Кавказ», согласно которому ожидалось, что народы Северного Кавказа окажут содействие немецким войскам.⁶

В годы войны в Чечне широкое распространение получил отказ от уплаты налогов. Однако нельзя забывать и о том, что в фонд помощи борьбы с немецко-фашистскими оккупантами за период с декабря 1942 г. по март 1943 г. чеченцы и ингуши внесли 12 миллионов рублей. В советской армии в этот период достойно служило 17413 чеченцев – добровольцев. К 5 октября 1942 года чеченцы имели 44 боевые награды – больше, чем некоторые более крупные национальности.⁷ Всего в годы Великой Отечественной войны 36 тысяч чеченцев сражались на фронтах в то самое время, когда чеченцев депортировали. Среди защитников Брестской крепости 244 фамилии чеченцев, всего же героически сражались в Брестской крепости 400 чеченцев. Кто-нибудь видел их имена на могильных плитах в Крепости-герое?! 150 чеченцев представлены к званию Герой Советского Союза. Чеченский кавалерийский полк первым прорвался к Эльбе.⁸

Самая болезненная тема – депортация чеченского народа в 1944 г. Такому наказанию по принципу коллективной ответственности были подвергнуты пять народов Северного Кавказа – карачаевцы (ноябрь 1943 г.), калмыки (декабрь 1943 г.), чеченцы и ингуши (февраль 1944 г.) и балкарцы (март 1944 г.).

Таким образом, анализ исторических исследований и публицистики середины 1980 гг. – начала XXI в. свидетельствует о пересмотре традиционных взглядов на историю присоединения-завоевания Кавказа Россией в XVIII – XIX вв., в первую очередь – на Кавказскую войну и «замирение» Чечни и Дагестана, а в советском периоде – на проблемы становления чеченской государственности в XX в. и советской политики в Чечне, преимущественно связанной с подавлением вооруженных выступлений 1920-1930-х гг. и депортацией населения в 1944 г.

¹ Калашников В. Чечня в составе России: история войны и мира. 2. От Ленина до Горбачева.

² Сухов И. Указ. соч. - С. 12.

³ Сухов И. Чечня теневая и официальная. - С. 12; Марченко Г. В. Антисоветское движение в Чечне в 1920-1930-е годы. - С. 138.

⁴ Бабиченко Д., Сидоров Н. Указ. соч. - С. 18-19.

⁵ Калашников В. Чечня в составе России: история войны и мира. 2. От Ленина до Горбачева.

⁶ Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. - 1990. - № 7. - С. 33.

⁷ Гвоздев Л. Одно слово – забыть, о тысяче дел – вспомнить // Московская правда. - 1998. - 4 нояб. - С. 2.

⁸ Гвоздев Л. Указ. соч. - С. 2.